

Ф.Г. Жарский

## Балмашев Никита

БАЛМАШЕВ НИКИТА — персонаж цикла рассказов И. Бабеля «Конармия». О нем рассказывается в новеллах «Соль», «Измена». Балмашев казак, командир взвода в Первой Конной армии Буденного, «партийность имеет номер двадцать четыре два нуля», уроженец станицы Иван Святой Кубанской области. «Солдат революции» — так подписал Балмашев свое письмо «за всех бойцов второго взвода» в газету «Красный кавалерист». «До 1914 года, — рассказывает он о себе, — занимался при родителях хлебо-пашеством...». С этого года Балмашев «перешел ... в ряды империалистов защищать граж-данина Пуанкаре и палача германской революции Эберта-Носке...», то есть участвовал в русско-германской войне. «И так вилась веревочка, — продолжает Балмашев, — до тех пор, пока товарищ Ленин не отворотил озверелый мой штык и не указал ему предназначенную кишку и новый сальник поудобнее...».

В письме «дорогому редактору газеты» Балмашев рассказывает о случае, произошедшем с ним и его товарищами во время переезда части по железной дороге на польский фронт.

На станции Фастов «заслуженный поезд Конармии остановился» по случаю, того, что «мешочники, эти злые враги, среди которых находилась также несметная сила женского полу, нахальным образом поступали с железнодорожной властью. Безбоязненно ухватились они за поручни... на рысях пробегали по железным крышам, коловоротили, мутили, и в каждой руке фигурировала небезызвестная соль...» — самый дефицитный продукт во время войн.

Бойцы помогли железнодорожникам отбиться от мешочников. «Один только женский пол со своими торбами остался в окрестностях». Некоторых женщин красноармейцы, «имея сожаления», посадили с собой в теплушки.

«Так же и в нашем вагоне второго взвода оказались налицо две девицы», — пишет Балмашев. А после первого звонка, к вагону подошла «представительная женщина с дитем, говоря: “Пустите меня, любезные казачки, всю войну я страдаю по вокзалам с грудным дитем на руках и теперь хочу иметь свидание с мужем, но по причине железной дороги ехать никак невозможно, неужели я у вас, казачки, не заслужила?”»

Балмашев советуется со взводом и получает согласие. «Пускай ее... опосля нас она и мужа не захочет!..» Балмашев постыдил ребят за «такую жеребятину». «И казаки... начали пускать женщину в вагон...»

«...Поезд двинулся... колеса тарыхтят».

Прошла ночь. Женщина вызвала у Балмашева подозрение. «Подступили ко мне казаки, — пишет Балмашев, — видя, что я сижу без сна и скучаю до последнего...

«Низко кланяюсь вам, бойцы, и прошу маленького прощения, но только разрешите мне переговорить с этой гражданкой пару слов...

Подхожу до нее и беру у нее с рук дите, и рву с него пеленки, и вижу по-за пеленками добрый пудовик соли».

Женщина просит у казаков прощения за обман: «... Не я обманула, лихо мое обмануло...»

Балмашев укоряет женщину: «...Оборотись к казакам... которые тебя возвысили как трудящуюся мать... Оборотись на этих двух девиц, которые плачут в настоящее время, как пострадавшие этой ночью... А тебя не трогали...»

«Я соли своей решилась, я правды не боюсь, — спорит женщина. — Вы за Расею не думаете, вы жидов спасаете...»

Спор заканчивается приговором Балмашева — «Гражданка есть более контрреволюционерка, чем ... белый генерал...» — и расправой. «И я действительно признаю, — сообщает Балмашев редактору, — что выбросил эту гражданку на ходу под откос...»

Увидев, что женщина «посидела, махнула юбками и пошла», Балмашев «захотел спрыгнуть с вагона и себя кончить или ее кончить».

Но по совету казаков он, «сняв со стенки верного винта... смысл этот позор с лица трудовой земли и республики».

Свое письмо Балмашев заключает клятвой бойцов второго взвода «дорогому товарищу редактору» и «дорогим товарищам из редакции беспощадно поступать со всеми изменниками»

В новелле «Измена», написанной в форме показаний Балмашева следователю, рассказывается о другом случае из армейской жизни героя, обвиняемого в стрельбе по госпиталю и битье стекол.

Раненые Балмашев и двое его товарищей по конармии поступили на излечение в госпиталь и очень обиделись на слова принимавшего их доктора Явейна, показавшиеся им «надсмешкой», к тому же сделанной «слишком грубо»: «Вы, бойцы, искупайтесь каждый в ванной, ваше оружие и вашу одежду скидайте этой же минутой, я опасуюсь от них заразы...» «Он оборотился спиной и без другого слова отослал нас в палату». Раненые бойцы увидели во враче «зверя, а не человека».

Врач же не может понять обиды, причина которой в гипертрофированной классовой ненависти, когда воспринимается враждебно все, что, по мнению бойцов, относится к буржуазному миру и жизни господ.

«...Прошли мы в палату, — продолжает Балмашев, — где ожидали увидеть культуранность и преданность делу... но увидели... красноармейцев, исключительно пехоту, сидящих на устланных постелях, играющих в шашки и при них сестер высокого роста, гладких, стоящих у окошек и разводящих симпатию. Увидев это, мы остановились, как громом пораженные».

«Рано, — говорю я раненым, — рано ты отвоевалась, пехота, когда враг на мягких лапах ходит в пятнадцати километрах... и когда в газете “Красный кавалерист” можно читать про наше международное положение, что это одна ужась и на горизонте полно туч...»

Далее Балмашев рассказывает, как не отдавали казаки свое оружие, а чтобы не захватили их врасплох, отдыхали «в очередь... и в отхожее даже по малой нужде ходили в полной форме, с наганами».

В конце концов бойцы «Первой Конной Будённой армии» устали и заснули все и, «проснувшись в обвиняемое утро... заметили», что лежат «в халатах под номерами, как каторжники, без оружия и без одежды...». «Немилосердные сиделки, которые всыпавши нам накануне сонного порошку... трясут... молодыми грудями и несут нам на блюдах какаву, а молока в этом какаве хоть залейся!»

Возмущенные казаки, «отпросившись вроде как по надобности», убежали в город к предупредкома Бойдерману, где «возвышенным голосом изложили случай с изменой в госпитале...».

Не получив успокоения у «гражданина Бойдермана», бойцы «вышли на площадь ... где обезоружили милицию в составе одного человека кавалерии и нарушили три незавидных стекла...»

Измена «насмешничает над... пролетариатом», — заявляет Балмашев следователю, — смеется нам из окошка...»